

22-28.06.2006

18

РОССИЯ №22 (974)
общенациональная газета
22-28 июня 2006 года

КУЛЬТУРА

Марина ГОЛУБ:

Мне нравятся роли надломленных женщин

Беседовала
Марина Квасницкая

Ведущая актриса МХТ Марина Голуб для многих зрителей стала воплощением комедийной и острой характерности. Ее коллеги порой жалуются: «Если нужна яркая комедийная актриса, зовут всегда Голуб, как будто других актрис не существует!» Однако на ее счету есть и иные роли.

— Одна из книг Аллы Демидовой называется «Вторая реальность». А вы хотели бы, как актриса, начать свою судьбу с чистого листа?

— Любой актер вам скажет, насколько сложно вырваться из рамок сложившегося амплуа. Но я уже вступила во вторую реальность, сыграв Герту в «Гамлете» и сходную историю в фильме по сценарию братьев Пресняковых «Изображая жертву» в режиссуре Кирилла Серебренникова.

Вслед за характерными и комедийными ролями ко мне пришли, наконец, глубокие драматичные роли. Я очень изголодалась по героям со сложной духовной организацией, с высоким строем чувств и мыслей. Мне нравятся роли надломленных женщин в поисках судьбы, жизни, любви. Мне для этого хочется быть более худой, утонченной в обоих смыслах этого слова. Я к этому иду в остром желании второй реальности. Я втайне надеюсь переиграть тех героинь, которые закрепили за Аллой Демидовой ее имидж интеллектуальной актрисы — и Раневскую, и Медею.

Режиссер спектакля «Гамлет» Юрий Бутусов жестко формулирует задачи или дает карт-бланши?

— Он дает бесконечный карт-бланш, идет от актерской интуиции. И лишь когда актеры сполна выражаются и выражают свое видение персонажа на репетициях-пробах, тогда начинается с его стороны сужение рамок и отбор интересных решений: «А помнишь, ты здесь делала вот так? Вспомни проходку и этот жест». Вообще-то я знала, что он сложный в работе. Но что такой сложный, не ожидала. Он нас вдергивал в эти эмоции, и сам в них входил, как в транс. Он жесткий: он кричит, когда довolen, кричит, когда огорчен, но тогда уж это звучит так, что тебе надо уйти из профессии.

— Помимо сдержанности внешнего облика эта роль решена в очень сдержанной ла-

коничной манере. Как здесьшел отбор средств выразительности?

— Мне как актрисе очень интересно сыграть трагическую роль скучными, но сильными средствами. Я понимала, что здесь моя героиня может рассмеяться, а может просто бросить взгляд — и это будет сильнее. Помог сам текст Шекспира. Этот персонаж, один из самых значимых по смыслу истории, почти лишен больших монологов. Гамлет фонтанирует монологами, а его мать страдает молча, но не менее сильно. Это трагедия, которая вся внутри, как затянувшийся вулкан. Вообще можно сказать, что немногословная трагедия — это для меня испытание на актерскую зрелость.

— Ваша роль решена очень сильными, но лаконичными средствами, что, в свою очередь, требует очень тонкого, талантливого зрителя. Как обстоит дело с этим?

— Таких зрителей действительно немного. Играя в «Гамлете», мы, актеры, особенно остро это чувствуем. В спектакле заняты такие раскрычные медийные персоны, как Михаил Пореченков, Константин Хабенский. И в зал приходит много юных фанаток, которые ждут гэгов, шуток, экшина. Зритель хочет смеяться порой в самых неподходящих местах, и эта хорошая энергетика сохранилась в этой комедии на сцене.

С режиссером Ниной Чусовой мы сразу подружились. Мы с ней похожи по темпераменту. Она молниеносно придумывает решения и ставит задачи. Я

— А чем поразил вас Питер Гринуэй на съемках фильма «Чемодан Талса Лупера»? Говорят, что его творческая манера шокирует и притягивает одновременно?

— Питер Гринуэй дал мне абсолютное ощущение космоса. Он умел дать невыполнимое по сложности задание, и я словно под гипнозом это делала.

С одной стороны, это был вызов моему профессионализму,

но одновременно и внушение, что я это могу. Он что-то такое вкладывает в тебя, что открывается давно закрытые клапаны и ты начинаешь существовать в профессии в тысячу раз эффективнее. Помню один рабочий момент. Моя героиня только что вышла из ванной, слегка прикрытая каким-то бафом, стоит и пьет чай, обжигаясь. Гринуэй объясняет: «Ты должна смеяться неестественным смехом, показывая, что тебе якобы весело, а на самом деле ты только что потеряла ребенка и никогда уже не сможешь стать матерью. Ты смеешься и обжигаешься чаем. Вот такой крупный план. Но все тонко-тонко, на грани. Теперь добавим, что ты думаешь о любимом че-

ловеке, и ты думаешь, что, может быть...» А теперь еще добавим, что... Вторые и двадцать вторые планы множились в прогрессии! Я говорила: «Питер, стоп!» «Нет, давайте дальше придумаем! Тебе нужно время?» — Он воодушевился. И я произносила «оне moment» и внутренне собираясь за секунды.

На этих съемках все было необычно, даже грим. Мне сделали ярко-красные губы, и больше косметики не потребовалось. Я робко просила «a little make-up», но мне лаконично ответили, что здесь не Голливуд. Здесь отношение к красоте было иное, она по-другому ложилась на целлулоид в картине мастера. В результате совместной работы все было необычно, и я не думала, что могу быть такой на экране. Конечно, в результате получился сложный фильм. Как справедливо сказал Гринуэй: «Когда впускаешь в фильм 20% эксперимента, то 80% зрителей его покидают».

— Какой еще профессиональный опыт дает актрисе работа с западным режиссером?

— Мне посчастливилось работать с англичанином Декланом Доннелланом над ролью Хозяйки корчмы в спек-

та станет понятно, почему она помогает самозванцу Гришке Отрепьеву. И сразу амплитуда образа вырастает. Те зерна, которые бросил в мое сознание Доннеллан, потом взросли в моих последующих работах, особенно в работе над образом Гертруды в спектакле Юрия Бутусова «Гамлет». Во время репетиций я думала: про что важнее здесь сыграть?

— Работа на Западе у режиссера Питера Гринуэя привлекла за собой предложения от иностранных кинорежиссеров?

— Мне предложили сняться в Америке с Харрисоном Фордом в фильме «К-19», сыграть жену его персонажа, но я отказалась. Мне эта история о подводной лодке показалась такой спекулятивной, ведь совсем недавно мы пережили трагедию подводной лодки «Курск». Я сказала, что я российская актриса и не могу подвести своего режиссера: я тогда должна была сниматься в «Свадьбе» Павла Лунгина. Представитель кинокомпании кричал, что от таких предложений не отказываются, очевидно, я чего-то не понимаю. Он не мог понять мою логику. На этом мы и расстались.

— После театрального вуза вы долго работали на эстраде. Это дает творческий рост драматической актрисе?

— Я пошла на эстраду по совету мамы. Однако и там можно сделать интересную карьеру, если не идти на поводу у пошлости, если работать с хорошими авторами. Судьба великого эстрадного артиста Аркадия Райкина тому подтверждение. Мне очень помог опыт на эстраде — это острое ощущение шутки, паузы, контакта с залом. Когда ты выходишь на эстраду с монологом, ты учишься держать зал. Это неоцененный опыт.

— Ваш муж — актер Анатолий Белый. Вы говорите с ним о работе?

— Я говорю ему, что он гений. Актеру важно, чтобы ему это сказали. Он иногда вдруг выдает такие вторые и третий планы в роли, что непонятно, как он это делает? Я иногда с ним советуюсь в работе, спрашивая, что мне делать в этом моменте роли? А он говорит: «Это химия. Это произойдет само. Не узнавай все дотошно. Пойми что-то главное, основное придет» Так, кстати, всегда говорили актеры старой школы: «Химичь!»

В зал приходит много юных фанаток, которые ждут гэгов, шуток, экшина. Зритель хочет смеяться порой в самых неподходящих местах.

по замыслу перемежаться спазмами в горле от слез. По большому счету, мы играем очень горькую трагическую историю о любви, о смерти, о сложности жизненного выбора, о расплате. И хотели бы видеть зрителя, которому этот разговор понятен. Но приходится иметь дело с разным зрителем. Режиссер злится, когда идет неадекватная реакция из зала, и требует от нас: «Не давайте им возможности смеяться! Накрывают их своими эмоциями!» Мы вынуждены порой переламывать ожидания зала. Зато когда на поклонах видишь, как при-

стараюсь в том же режиме их воплощать. Мы сошлись с ней в видении персонажа. Случанка Дорина — человек более простой и трезвомыслящий, чем ее господа. Она бьется, чтобы раскрыть глаза своему хозяину на лицемерного злодея Тартофа, она помогает влюбленным соединиться, она — пружина всех событий в доме Оргона. Я играю женщину остроумную, легкую на подъем, кокетливую. Мольер подарил ей яркую образную речь, и я как актриса очень ценою колоритный текст. Я просто купаюсь в этой выигрышной комедийной роли.